

Небесный камертон

К 90-летию Светланы Евсеевой

Светлана Евсеева, фото Филиппа Шпартова, 2022

К 90-летию поэта и переводчика **Светланы Георгиевны Евсеевой** журнал «Этажи» публикует интервью-монолог, записанный Татьяной Шпартовой. Светлана Евсеева была популярна на всплеске поэтических 1960-х, выступала на чтениях, дружила с Беллой Ахмадулиной, Риммой Казаковой, Михаилом Светловым, в своих дневниках её вспоминает Давид Самойлов. В интервью Светлана Георгиевна рассказывает о своём детстве и юности, проведённом в Казахстане, о поступлении в Литературный институт в Москве, о замужестве и переезде в Белоруссию. И о любви — той, которая бывает раз в жизни, о любви тайной, потому что избранник был известным поэтом и был женат. Но остались стихи — посвящённые ей, посвящённые ему: два поэта продолжали свою историю любви в стихах.

Светлана Георгиевна в интервью не стала раскрывать имя этого поэта: «Вы хотите, чтобы я открыла его имя? Да все знают. Зачем мне называть это имя?..» Но вряд ли знают все...

Мы обратились к Татьяне Шпартовой с просьбой поговорить со Светланой Георгиевной и получить разрешение «раскрыть» для наших читателей имя возлюбленного, так как это не столько любопытно (хотя, признаться, и любопытно тоже), но и важно для литературоведения и библиографии. И нам разрешили.

Имя возлюбленного Светланы Евсеевой — Давид Самойлов. Перед тем, как она уехала из Москвы, фактически сбегая от него, от этой своей душевной травмы, они встретились, и он протянул ей стихотворение «Алёнушка».

Алёнушка

Когда настанет расставаться —
Тогда слетает мишура...
Алёнушка, запомни братца!
Прощай — ни пуха ни пера!

Я провожать тебя не выйду,
Чтоб не вернулась с полпути.
Алёнушка, забудь обиду
И братца старого прости.

Твое ль высокое несчастье,
Моя ль высокая беда?..
Алёнушка, не возвращайся,
Не возвращайся никогда.

В зрелые годы они встретились вновь и уже поддерживали связь постоянно. Вот это стихотворение он посвятил ей через двадцать лет после «Алёнушки»:

* * *

С.Е.

«Года-Любовь». Я там себя узнал,
В твоём наброске. Или же ошибся?
Но тот обломок гипса
Меня напоминал.

Нет, он скорей напоминал тебя тех лет,
Когда писала, надышав на гладь стекла,
Прощальный бред.
Разлукам не было числа.

Я не любил тебя,
Как сорок тысяч братьев.
Томился, не любя.
И полюбил, утратив.

Я виноват, что не хотел тебя лепить
И что твоим страстям тебя я продал в рабство,
Что, не умев любить,
Поверил поцелуям братства.

«Года-Любовь». Года, любовь и боль,
И память всё смиренней.
Лишь слышны отзыв и пароль
Двух судеб, двух стихотворений.

80-е гг.

Редакция журнала

Небесный камертон

Ярко помню момент из моего детства. Мне было лет шесть. Бабушка уже лежала, прикованная к постели. Она произнесла: «Меня будто нет, я себя не чувствую. Приходит для всех пора, когда человек перестает себя чувствовать». Я горячо возразила: «Я буду себя чувствовать всегда!» Я ощущала себя не такой, как все: что я не просто так «произошла» — для своего счастья. И в школе была не такой, как другие ученики: сразу взялась за серьёзные, взрослые книги. Я никогда не оказывалась в одиночестве: книги были моими собеседниками, учителями, они меня утешали, внушали надежду.

Моя мать? Она меня не растила. Она меня родила. Ей был важнее её творческий и женский успех — она очень нравилась мужчинам. Причём мужчинам из сферы искусства. В ранней юности у неё был замечательный голос. В то время перемены докатились до Узбекистана, и женщины ощутили себя более свободными. В её школе, в старших классах, ставились детские оперы, где она солировала. Но после перенесённой ангины ей вырезали гланды и задели голосовые связки. Она потом долго разговаривала шёпотом. Это стало для неё трагедией. Однако тяга к сцене у неё не пропала. Она была ловкая, стройная, занималась гимнастикой и смогла устроиться в узбекский театр оперы и балета танцовщицей кордебалета. Характер у неё был ещё тот. Она считала, что танцует лучше всех, а её зажимают — не понимала, что в узбекском театре надо было хотя бы выйти замуж за узбека. Там растили свои, национальные, кадры. Женщины ещё недавно ходили с закрытыми лицами. Ещё я это застала. И вообще они были воспитаны вести себя совсем по-другому. Однажды мать повздорила с руководством и выскочила замуж за моего отца.

Отец был военным. Тогда многих ссылали. Не знаю, что на самом деле случилось: мне говорили, что он якобы растратил деньги. Его осудили, а потом началась война. Отца мгновенно призвали в армию и вскоре убили. А семье платили пенсию: уже будучи на фронте, он добился, чтобы на детей давали деньги. Моя сестра была на пять лет младше, она родилась в 37-м. Нас воспитывала старшая

Светлана Евсева в юности

сестра матери. Тётя эта жила в Казахстане, в Чимкенте. У неё был надёжный, но бездетный брак. А у мамы в личной жизни уже к тому времени появился контрабасист из оперного. Бытом она совершенно не занималась, и меня, шестилетнюю, отдали в ту семью. Через два года в ней очутилась и моя сестра. Тётя привязалась ко мне, а потом и к этой малышке, которая, как она считала, была на неё похожа. Первое время я тосковала по матери и меня возили к ней. Жила она со вторым мужем на собственной жилплощади. Я не видела своего деда, но он успел построить по квартире для всех своих наследников — для каждого из шестнадцати выживших детей. Помню большой двор, который вмещал шесть строений рядом с родительским домом. Там у матери тоже была своя комната — с отдельным входом и кухней. Тётя же причитавшуюся ей

долю продала, и они с мужем построили дом в Чимкенте. Он и стал для меня по-настоящему родным. Тут имелся огород, великолепный молодой сад и пчёлы. Обо всём этом заботился тётин муж. Удивительный был человек, знал языки. По профессии занимался истреблением саранчи и вредных для садов насекомых. Я звала его папой, тётю звала мамой. Я настолько благодарна этой семье! Прожила я у них до моих шестнадцати лет. А потом уехала поступать в институт. Своего приёмного отца я особенно любила. Фактически он был моим единственным отцом. Он понимал, что семью надо кормить, беречь, охранять. Таких мужчин я больше уже и не встречала в своей жизни. Когда я уехала, он разорвал документ, в котором я значилась Галиной Сергеевной Ларионовой. И я опять осталась с материнской фамилией и данным ею именем — Светлана.

Я вернулась из Москвы, где не поступила в театральный институт, и подала документы в ташкентский педагогический. Этот шаг обернулся для меня настоящей удачей — я там встретила такого преподавателя! Каким-то образом в Узбекистан попал белорусский поэт и переводчик Степан Лиходзиевский.

(Степан Иванович Лиходзиевский. В 1933-м году был арестован органами ОГПУ, привлечён к следствию по статьям 72, 76 УК БССР (член контрреволюционной нацдемовской организации) и решением ОСО (тройки) ОГПУ 10 августа 1933 года

определён на трёхгодичное поселение в Казахстан. Реабилитирован 24 августа 1956 года Судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда БССР, — авт.)

Уже позднее он стал доктором филологии и профессором. Это был смелый человек, не терпевший косности. Преподавал он нам иностранную литературу. Я дала ему почитать тетрадку своих стихов. Такая ерунда это была, я вам скажу, такая чушь! Он вызвал меня к себе и посоветовал: «Идите с этими стихами в Союз писателей Узбекистана, в русский отдел, там занимаются с молодыми авторами». Он разобрал то, что я написала, и я вдруг поняла, чего в моих стихах не хватает.

Я написала другие стихи и пошла в русское отделение. Литературным консультантом там работал Андрей Митрофанович Иванов, человек уже немолодой. Вообще там собралось достаточно публики, оказавшейся в Узбекистане волею случая — в основном дворян, бежавших во времена революции. У них было иное образование, иные знания. Благодаря моей начитанности, они меня «признали». Иванов новомодных веяний в поэзии не одобрял. Но мне хотелось просто понять, как технически пишутся стихи. Эти премудрости я впитала мгновенно, и он меня выделил среди всех. Тогда я усвоила главное: что над стихами надо работать. Как только я поняла это, у меня перестало что-либо получаться легко. Чтобы вышли настоящие стихи, я подолгу сидела, искала...

Свою новую подборку я отослала в Литературный институт. Мне пришёл оттуда вызов, я приехала, и меня приняли на заочное отделение. Это позволяло мне остаться в Москве. Но учёба на заочном продлилась недолго. В тот период я познакомилась с поэтами из союза писателей, и они стали звать меня с собой на выступления — читать стихи. Благодаря этим чтениям слух обо мне дошёл до руководства Союза, и меня тут же перевели на очное.

Многие из тех поэтов стали моими друзьями. Но, надо вам сказать, отношения между представителями разных направлений были сложные — они друг друга не признавали. А я признавала всех. В раздоры не ввязывалась, вслушивалась в стихи каждого. Обычно поэты собирались в доме литератора. Ну, выпивали, конечно. Сдвигали столы, заказывали чего-нибудь, и читали стихи по кругу. Я тоже читала. Так и училась. Это лучшая учёба. Мгновенно отмечались находки. Тогда-то я начала понимать их ценность. А после иного чтения молчали вежливо. Бывали и бесцеремонны: «Ну и говно же ты написал!» Такое тоже случалось.

Как на моё чтение реагировали? Хорошо реагировали. Просто-напросто у меня были прекрасные учителя. Тот же Борис Слуцкий, тот же Наровчатов. Слуцкий часто звонил: «Приходи, Светлана». Или Михаил Аркадьевич Светлов. Он разыскал меня — я снимала угол в квартире. И стал часто там бывать. Ему нравилось со мной общаться. А компании, которая там собиралась, нравилось, что Светлов приходит.

Через некоторое время вокруг меня возник ажиотаж. Телефон не умолкал, раскалялся. А я была вежливой, всем отвечала, всем уделяла внимание. И в ка-

кой-то момент поняла, что я ничего не пишу! В такой удаче своей. Книжку-то я первую издала, когда вокруг меня не крутилось столько народа. Я по натуре человек не богемный. И богема-то она разная. Одно дело творческие личности. Но слишком много было людей прилитературных. Вот это богема. Хвастунов, лгунов, искателей лёгкого успеха — кого там только не было. Они потом шли хвалиться: вот я с этим знаком, с тем и этим я на «ты». Я не злой человек, меня это не злило, меня это опустошало.

Объявились покровители, готовые заняться моей творческой судьбой. Я не хотела ничего подобного. Я встретила любовь... Но быть с человеком, которого любила, я не могла — он оказался не свободен. А терпеть своё неопределённое положение не собиралась. В конце концов, я уехала от него подальше, в Белоруссию. (*Светлана Евсеева вышла замуж за белорусского литератора Артура Вольского и переехала в Минск, — авт.*) Он ничего не рассказывал мне о своей жене. По-видимому, она была уже не здорова. Едва я уехала, как она умерла...

Как я с ним познакомилась? Он был старше на 12 лет. Мы где-то читали стихи вместе, и он пошёл меня проводить до дому. Я его ещё плохо знала. Мы говорили главным образом о стихах, о том, что нужно честно этому делу служить. И тут вдруг произошла удивительная вещь. Я это почувствовала всем своим существом. Я услышала, не ушами конечно, а душой, что это мой человек. Спутать это ощущение невозможно. Это было потрясение. В ту же минуту это произошло и с ним. Мы были вместе и не вместе... Но это был мой человек. Он меня всегда любил, и я его любила всегда. Вот так. Вы хотите, чтобы я открыла его имя? Да все знают. Зачем мне называть это имя?..

Перед тем, как хор начинает петь, звучит камертон, настраивает. Бывает, людей настраивают друг на друга свыше. Подобное у меня произошло и с Беллой Ахмадулиной.

Однажды я позвонила ей и сказала, что нас пытаются столкнуть лбами. Она предложила: «Давай увидимся! Я буду в Переделкино, приезжай ко мне». И я приехала в Дом творчества. Мы устроили праздник, читали свои стихи для поэтов. А потом пошли к ней в комнату, где мне предстояло ночевать. И тут возникло это ощущение — как будто настройка. Я спросила: «Что со мной, Белла»? «Со мной то же самое», — ответила она. «Если тебе будет плохо, позови меня». — «И если тебе будет плохо, позови, и я приду тут же». Но, в тот период, когда мне было плохо, я её не позвала. Хоть она и приезжала в Минск, и пыталась меня разыскать. Я была унижена: обругана и затоптана. Был такой период в моей жизни. Не хочу об этом говорить. Понимаете, меня в Москве так возвысили, так любили, а тут и близко этого не было. Я не хотела оправдываться, не хотела предстать перед ней вот такой. Тому, кто оправдывается, не верят. А когда жалуется, так это вообще... Человек сам становится жалким. Спустя время, мне сообщили, Белла хотела специально приехать, повидаться со мной. Но она уже умирала. Я просто хочу сказать, что существует нечто. Тебя на что-то настраивают. Это невозможно

словами описать. Но и перепутать невозможно. Мы так удивились обе. Мне даже не надо было ей этого объяснять. Человек не совсем свободен. Что-то даётся свыше.

Как я познакомилась с Риммой Казаковой? Тоже в Доме творчества. Только не в Переделкино, в другом. Я приехала туда не одна, а с каким-то поэтом. Мы слушали её стихи — быстро написанные, правильные, с нужной редакторам мыслью. Поэт молчал. А я тогда была совсем другая... Я их раскритиковала немедленно. Через много лет, когда у Риммы брали интервью обо мне, она это напонила. *(Из интервью Риммы Казаковой о Светлане Евсеевой: «Она — один из лучших русскоязычных поэтов. Рождённая поэтом. Всё, что она делала, было бесспорным. Вообще у истоков моей литературной судьбы стояли два человека: Светлана Евсеева и Инна Лиснянская. И обе они меня ужасно ругали в ту пору. Мне было лет 25-26, они читали мои стихи и говорили: Что ты пишешь про комсомольские стройки? Ты, наверное, по-настоящему замуж хочешь, а пишешь об этом. У них был немножко другой подход к жизни. Они были совершенно разные, но обе замечательные. Светлана была больше похожа на Цветаеву — дерзкая, сильная, яркая...», — авт.)* Тем не менее, мы с ней подружились. Она мне рассказывала про свою любовь, которая была где-то далеко, на востоке. Любовь была безответной. Он её чувства не оценил. Как к человеку я к ней исключительно тепло относилась, но в плане творчества было одно маленькое «но».

Появились ли у меня такие друзья в Беларуси? Вы знаете, я приехала сюда и стала мужней женой, которая ведёт быт, ухаживает за животными, которые всегда были в доме. Когда сын родился, я ещё писала что-то. А когда уже встал на ножки, только и делала, что занималась домашними и материнскими делами. Мне никто не помогал. И тогда я поняла, почему в те времена в поэтической среде было так мало женщин. Очень просто. Потому что поэзия требует человека всего. Невозможно ещё заниматься и своей красотой, и своим сиянием в обществе, и своими женскими победами. Если я пишу стихи, я пишу их целый день. Даже если делаю что-то по хозяйству, всё равно они у меня в голове. Я потом сажусь за стол, записываю. Меня сбивать нельзя. Мне уходить никуда нельзя. Я ночью просыпаюсь, и вдруг понимаю, какой стих надо докончить. А ведь семейная жизнь требует от женщины полного соединения с другим человеком. Я так понимаю. А у него совсем другие планы, другое отношение к тому же творчеству. Он, может быть, такую самоотдачу и уважает, но... Я пробыла замужем восемь лет. Первых два года я ещё что-то писала, а потом — ничего, ни единого стиха. Моё возвращение в поэзию произошло только после того, как мы расстались.

Прививала ли я любовь к поэзии сыну? Когда Лёня был ребёнком, я много уделяла ему времени. *(Лявон Вольский — культовый белорусский рок-музыкант, поэт и художник. Сын Светланы Евсеевой, — авт.)* Я всегда была при нём. В семье мужа традиционно держали собак. Собаку надо было выгуливать. Я брала за ручку сына, и мы шли подальше от своей многоэтажки в покинутые сады, остав-

Светлана с сыном Лёней

шиеся от частных застройщиков, гуляли там долго, разговаривали. Я его обучала грамоте, объясняла правила. В дошкольном возрасте он уже умел и читать, и считать. Потом у него проснулся интерес к рисованию. Он разрисовал в своей комнате все стены. Мне казалось, его призвание — быть художником, и он сам про себя так думал. Когда он был подростком, я не знала, что, когда меня дома нет, он читает мои стихи. Он их осмысливал. Совсем недавно он мне об этом проговорился. Хотя он со мной считается в творческих делах, свой первый сборник он издал от меня втайне, не дал мне прочесть. И второй сборник тоже не дал, но, по крайней мере, сообщил о нём. Я сказала: «Напрасно, я могла бы быть тебе полезна». Он во всём у меня самостоятельный и гордый.

Когда Лёня поступил в художественное училище, была мода организовывать рок-группы.

И там он вместе с товарищем основал свою рок-группу, которую они, недолго думая, назвали «Мроя». Ещё до поступления он постоянно уединялся в своей комнате и допоздна учился играть на клавишах. Он приобрёл наушники — в комнате было тихо, только он сам слышал себя. И я даже не знала, что у него есть голос — он никогда при мне не пел. Как он этому научился, я даже не знаю. Позже он освоил игру на многих инструментах.

Видимо, проявилось то, что было заложено в ранние годы. Ещё до развода, Артур отвёл Лёню в подготовительный класс музыкальной школы при консерватории. Руководителем класса оказался сам Евгений Глебов. Он обнаружил у сына абсолютный слух, и отметил, что он необыкновенно быстро всё схватывает. Когда мы с мужем разошлись, я уже не смогла маленького ребёнка отвозить в эту школу и забирать — вынуждена была отдать его в обычную, в нашем районе. Вдобавок к нам переехала моя мать, и наступили тяжёлые для меня дни — будучи уже не совсем адекватной, она считала, что в воспитании сына я всё делаю не так, и всеми способами пыталась меня вытеснить. Через некоторое время, с большими сложностями, нам удалось расселиться — я отдала матери свою государственную квартиру. Тогда все страдания закончились, и начались мои самые настоящие трудовые дни в поэзии. Свою мать, которая так никогда и не научи-

лась готовить, стирать и убирать, я всегда жалела, и последние два года её жизни буквально кормила из ложечки. А с Женей Глебовым и его семьёй мы оставались дружны. Позже Лёня даже написал тексты к музыкальной комедии Глебова «Коллизей». Лёня близко дружил с его сыном Родионом — до тех пор, пока того не стало. А потом не стало и Жени...

Что я могу посоветовать другим поэтам? Ничего. Потому что все по-разному устроены. Я знаю таких, которые могут работать, даже если они пьяны. Пишут, делают переводы. И это им не мешает, а может быть, даже помогает. А, к примеру, мне это совершенно противопоказано. Есть поэты, которые начинают рано, блистательно. Творят потоком, но потом исчерпывают свои силы, надрываются... Что-то советовать — пустое дело. Каждый поэт — самобытность. Ты будешь ему предлагать свои приёмы, которые ты нашла, но ты нашла их для себя. Я обычно слушаю чужие стихи, иногда улыбаюсь, чтобы показать, что мне понятно, могу отметить удачные строки — зачем это утаивать. Но критиковать не люблю. Есть люди, которые критику вообще не переносят. Они не то, что расстраиваются, даже озлобляются.

Есть такая вещь как вдохновение. Ты садишься писать, и это уже не ты — ты другой человек, необычный. Ты сильный человек! Сами собою приходят подсказки, нужные слова, новый поворот в теме. Я рано сделала для себя открытие: если ты не садишься работать, вдохновения нет. Только тогда, когда ты начинаешь трудиться, оно приходит. Как я могу тут что-то советовать? У каждого своё вдохновение. Про вдохновение знают даже скорописцы и выдумщики от поэзии. Те, кто производит всякую ерунду в огромном количестве. У них тоже есть вдохновение. У меня сейчас вдохновения нет, я не работаю. Может быть, время уже пришло заканчивать писать? Без вдохновения я никчёмная.

Мне многие посвящали стихи. Собирала ли я их? Нет. Вот как было с Михаилом Светловым. Мы шли по улице Горького, как сейчас помню, и он вдруг вытащил газетную вырезку с напечатанным стихотворением и произнёс: «Это я написал тебе». Я прочла. Это была любовная лирика. Мне многие дарили свои стихи — прямо в руку листочки вкладывали. Обычно это были альбомные стихи, я их не признаю совершенно. Я их выкидывала. А здесь было другое. Я сказала: «Михаил Аркадьевич, это не мне и не обо мне. Это стихи для всех». И отдала ему назад. Он был уже немолод, да и выпивал часто, я не думала, что он ещё пишет такие вещи. Это были прекрасные стихи! Созданные настоящим мастером. Нас связывали тёплые отношения — вдруг ему что-то показалось, и он написал. Но это было не обо мне.

А у того человека, которого я любила, много стихов, где я присутствую под разными именами. Он имел обыкновение шифроваться — употреблял такие, благодаря которым я могла бы понять, что он меня не забыл, помнит: имя моей сестры, матери или специально придуманное для меня имя, состоящее из двух имён. Почти вся его поэзия пропитана этим. Вот так.

*Автограф Давида Самойлова в книге, подаренной Светлане Евсеевой:
«И всех, кого любил, я разлюбить уже не в силах... С. от Д. 9.12.85. Пярун»*

Вы говорите, пришла пора обо всём этом написать? Не хочу я об этом писать. Это всё моё! Навсегда. Когда ты воспринимаешь то, совершенно невидимое, когда ты чувствуешь всей душой любовь другого человека к тебе. И ты ему отдаёшь эту любовь... Я имею в виду не только любовь, но и теплоту дружбы. Эти люди со мной до сих пор. Вот они поумирали, но звучат и теперь в стихах. Это меня укрепляет. Я не чувствую себя слабой, старой. Понимаете? Это дает силы жить дальше.

Фотографии из архива Светланы Евсеевой

Татьяна Шпартова — поэт, сценарист, переводчик. Лауреат международного Тютчевского конкурса «Мыслящий тростник» в номинации «философская поэзия» (2014 г.), международного литературного конкурса «Русский Гофман» (2017 г.) и др. Автор поэтических книг «Стихи и песни» (2004 г.) и «Музыка и тишина» (2020 г.), а также двух книг переводов современной американской поэзии: «Полночное солнце» и «Улыбки за чашкой чая».